

1438). 14.02

Скорик Анастасия

ДЕБЮТ

Экран и сцена - 2002 - нояб. (№ 38) - с. 16

Ей 19, как и Нине Заречной

Видас СИЛЮНАС

Событием художественной жизни Москвы стало то, что событием, как правило, не бывает и, казалось бы, событием быть не должно. В старый спектакль ввели новую исполнительницу: Анастасия Скорик, студентка IV курса Школы-студии МХАТ, сыграла в "Чайке" в Художественном театре Нину Заречную.

Роль эту Олег Николаевич Ефремов предназначал для Анастасии Вертинской, и она стала их совместной победой из разряда тех, что не бывают случайными и оказываются сгустком жизненного и творческого опыта. Ранняя бешеная известность не сбила Вертинскую с толку. Она не сошла с корабля с алыми парусами на устланный цветами бесчисленных поклонников берег удачи. Она предпочла взбираться по крутому извилистому склону, ведущему к вершинам искусства. Культовая красавица стала неотразимой вдвойне, превратилась в Мастера, проникающего в святая святых профессии. В финале "Чайки" ей была предоставлена возможность рассказать устами Нины Заречной о том, какой самоотверженностью, каким самоотречением и трудом покупается право быть Актрисой, — и она обжигающе искренне рассказала об этом.

Вертинская ушла из Художественного театра, будто чайка улетела с легендарного занавеса.

Она вернулась вместе с тезкой Вертинской, совсем другой, чем ее предшественница, но достойной стать одним из символов входящего в мир актерского поколения. Вбежала, задыхаясь от избытка молодых сил, в светлом, как на школьном балу, платье, с бантом в весело змеящейся, словно живущей своей неутомимой жизнью, косе. С белозубой улыбкой, безудержно устремленная вперед, в завтрашний радостный день, вовсе не похожая на "голубую" героиню — крепко, ладно сбитая девушка из плоти и крови, грациозная, но чуть неуклюжая, восторженная, но подчас потешная. Ей хочется и боязно целоваться с Треплевым, и она полукокетливо, полустеснительно спрашивает, будто испугавшись таинственной тени: "А это что за дерево?" — "Вяз", — вызывая смех в зале. И все же главное в порхающей пластике, во всплесках рук — попытка полета, она взлетит по ступенькам превращенной в театрик ротонды, и когда раскроется занавес, явится как стройная отточенная временем статуэтка. Первые слова монолога произнесет стоя, как вкопанная — белое изваяние с горящими глазами; тем звучнее и сосредоточеннее ее слова — будто в них спрессовалась драма веков и тех бесчисленных жизней, о которых говорится в сочинении Треплева. Затем выпростает руки, спрятанные в белоснежной шали, широко широко их раскинет и неожиданно упадет на грешную землю. Туманные треплевские метафоры станут явью: в этой Заречной и впрямь поселилась Мировая Душа и вспых-

нул огненный азарт борьбы с "отцом вечной материи — Дьяволом". Как же вытерпеть такое Аркадиной, которую Ирина Мирошниченко безжалостно рисует холодной, как собачий нос, комедианткой?

Скорик провела пока только три года в театральной школе. Но в какой школе! На курсе, руководимом Дмитрием Брускиным и Романом Козаком, с ней занимались и они, и Алла Борисовна Покровская; 17-летняя Настя сыграла у нее в отрывке из "Анны Карениной" многодетную заплаканную и бесконечно смешную Долли. Покровская — уникальный пе-

дагог и редкостная актриса: достаточно было ей появиться на сцене "Современника" в родинском "Эшелоне", и нельзя было не поверить, что перед нами не дочь великого оперного режиссера и интеллигентнейшей преподавательницы актерского мастерства, а женщина из совсем простой и бедной семьи: горбатилась весь бабий век, зарабатывая на кусок хлеба. Станиславский любил придумывать биографии персонажей с такими подробностями, которые и не снились драматургам. Алла Покровская как нельзя близка этим заветам: за плечами лю-

бой ее героини — судьба, предстоящая с неопровержимой, детальной наглядностью. Работая со студенткой, она талантливыми и чуткими руками настраивала скрипку, и она не могла не запеть. Героиня Скорик проживает страшные годы между III и IV актом "Чайки": вместо трепетной, не простившейся с детством девушки, выходит обремененная грузом пережитого женщина. Косе больше не подпрыгивать, она туго собрана на затылке, строгое лицо обрамляют темнорусые волосы, но на это красивое лицо легли тени, почти столь же пугающие, как в

гойевских фресках. На Нине черные элегантного кроя одежды, на чернильно-черном шарфике поблескивает алмазная россыпь, перекликающаяся с блеском изящных маленьких сережек и с блеском глаз. Заречная обрела не только женственность — вот когда совсем пришелся в пору бархатный, грудной, обволакивающий голос Анастасии Скорик, — но и прозорливость. Безошибочно угадав, что не столько она, сколько Треплев, нуждается в утешении, она по-матерински нежно, кончиками пальцев, гладит его лицо. Горечь собственной судьбы все же прорывается, она с дрожью съеживается в кресле: "Я чайка!"; руки опускаются на колени, лицо склоняется на руки, но когда Нина поднимает лицо, мы видим в ее глазах слезы счастья. Да, счастья оттого, что боль, которая ее пронизывает, питает ее; "Я актриса". Она вынашивает замыслы своих ролей, как вынашивала тригоринского ребенка, только теперь Тригорин — бескрылый ремесленник ни при чем: Нина Анастасии Скорик — самородок, сама себя в радости и в муках рождающая художница; и даже слова "грубая жизнь", произносит с улыбкой человека, научившегося противостоять этой грубости. Только безудержные любовные признания Треплева ранят ее, она вскакивает, как ужаленная, повелительно, нетерпеливо кричит, властно протягивая руку: "Дайте мне воды!" В этой иступленной резкости — отторжение иллюзий, которые все еще не покинули Треплева, и острое, как укол совести, сознание вины перед ним: "Меня надо убить". Смятенные взмахи рук Заречной подобны взмахам раненых крыльев, но только такие крылья поднимают на трагическую высоту. "Я люблю его... Люблю страстно, до отчаяния" — "от-ча-я-ни-я" — чеканит она слова, услышав голос Тригорина: это ее крест, без него не было бы чуда воскресения.

Как не было бы чуда и без веры. "Умей нести свой крест и веруй": Нина говорит с таким убеждением и страстью, что ее руки сами собой складываются в молитвенном, совсем не иллюстративном, совершенно естественном жесте. И чудо воскресения свершается: Нина вновь оказывается в ротонде и опять читает треплевский монолог, исполненный невероятной поэзии, с верой в глазах, которая и во тьме светит.

Треплев Евгения Миронова, бесконечно утонченный, деликатный, ранимый и чуткий, — еще более чуткий к жизни, чем к искусству, так и не разгадавший свой дар, но единственный, разгадавший богатейший дар Нины, стреляется потому, что ему больше не разговаривать с ней — она честно, открыто, без остатка сказала ему все. Но не нам. Запомните это имя: Анастасия Скорик — актриса, которой есть что сказать. Ей девятнадцать лет, как и Нине Заречной, и это — только начало!

• Нина Заречная — Анастасия Скорик

Главный редактор А.А.АВДЕЕНКО

Издание осуществляется при государственной финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Газета сверстана в компьютерном центре "Экрана и сцены". Дизайн и верстка Веры Канделаки. Тел. 229-70-65, e-mail: scrstage@mtu-net.ru.

Отпечатано в ООО ИД "Медиа-Пресса", 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. "Правды", 24. Индекс 50182. Тип. № 17018.

Адрес редакции: 103877, Москва, М.Гнезниковский пер., 7. Факс: (095) 229-70-65. Телефон секретариата: 229-70-65.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. "Экран и сцена" выходит по четвергам. Газета зарегистрирована в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистрационный № 1144.

Учредитель: АНО ЕГ "Экран и сцена". Цена свободная. Подписано в печать 30.10.02г. в 14.00. Тираж 10 000 экз.